

Ольга Аникина

НАЗОВИ МЕНЯ
ПО ИМЕНИ

Роман

ЛИТЕРАТУРНАЯ
МАТРИЦА

Санкт-Петербург

ЧАСТЬ I

ГЛАВА I

Новый год Маша любила больше, чем остальные праздники, – за его неоспоримость и настоящесть. За то, что им нельзя пренебречь, его нельзя отменить, несмотря ни на какое безденежье, ни на какую усталость. За то, что Новый год похож на кусок пирога, который положен тебе просто потому, что ты живёшь на свете.

Канун Нового две тысячи девятого года был точкой, которая завершала одно повествование и начинала другое – каждый раз снова с середины. Мария Александровна Иртышова, учительница русского языка и литературы в одной из московских школ, однажды дала девятиклассникам задание: написать свой год как небольшую историю без начала и конца, объём работы не более трёх-четырёх страниц. Как раз тогда дети по программе изучали Чехова.

Около семи вечера Маша приехала домой в Королёв. Утром в городе прошёл небольшой снег, он осел на крышах, ветвях деревьев, козырьках подъездов и автобусных остановок, а под вечер превратился в тонкую, плотную корку.

Пока Маша доставала из багажника пакеты с покупками, её пальцы задеревенели от холода. Она легкомысленно ходила без перчаток, потому что в последний рабочий день попросту забыла их – тёплые, почти новые, тёмно-черешневого цвета! – на полочке в гардеробе для учителей. Маша никогда не покупала себе синтетическую дешёвку, и поэтому выход оставался один: пережить морозы, дожждаться третьего января и забрать любимую вещь с работы. Как раз третьего января директриса поставила ей дежурство во время школьных каникул.

Тяжёлые пакеты из супермаркета опустились на лавочку возле детской площадки, и по пальцам пробежали острые, холодные огоньки. Маша подышала на ладони, спрятала руки в карманы и осмотрелась. В морозном движении воздуха звенела тревожная, неустойчивая нотка, она мерещилась Маше то там, то тут, поблёскивала и не находила себе места в тёмно-лиловой пустоте, перечёркнутой проводами.

Очень давно, когда Маша была ещё маленькой девочкой, её бабушка говорила, что в новогоднюю ночь всегда холодает. Когда Маша спрашивала, кто установил этот закон, бабушка отвечала, что уж точно не Академия наук. Нет, Нина Александровна не верила в предрассудки, этого ей не позволял статус жены академика Иртышова, Машиного знаменитого деда. Но кроме закона здравого смысла, бабушка втихаря признавала ещё и другие устои, правила и ритуалы.

Например, бабушка любила повторять: не забывай про ножницы. Смысл был в том, что чем чаще человек приходит в свой сад с ножницами, тем красивее в этом саду вырастают цветы. Глубокой осенью на даче бабушка брала маленькую Машу в помощницы, когда наступала пора обрезать её любимые розы. В мае пожилая женщина с внучкой тоже выходили в сад с секаторами – срезать сиреневые ветки.

Зимой ухаживали за геранями. Пузатые керамические горшки, как пациенты в очереди, стояли на широком кухонном подоконнике, а Нина Александровна, низко склонившись к пахучим цветочным розеткам, подслеповатыми глазами сосредоточенно выискивала в них старые, отцветшие венчики. Бабушкины руки, тёмные, покрытые причудливыми коричневыми пятнами, касались развернутых к солнцу листьев. Узловатые пальцы нащупывали сухой стебель, а клюв старых портновских ножниц с асимметричными кольцами опускался, чтобы ткнуться точно в то место, откуда больной лист брал начало.

Труднее всего приходилось растениям уже немолодым; у них бабушка отсекала не один больной черешок, а сразу несколько. Маша удивлялась, откуда герани берут силы, чтобы восстановиться и зацвести снова. Нина Александровна отвечала, что всё самое важное скрыто от глаз садовника. «Корни всё помнят, – говорила бабушка, – корни вытянут». И Маша верила ей.

От срезанных листьев по воздуху плыли горьковатые волны, запах походил на смесь ароматов

вянущей розы, мокрой осенней мяты и земли, растёртой между пальцами. Алька, старшая сестра, терпеть его не могла, а Маше от гераневых выдохов делалось сначала грустно, а потом спокойно. И именно в такие минуты ей казалось, что всё идёт так, как надо.

Это был лучший способ пережить любую досаду или неудачу – вспомнить о ножницах и бабушкиных цветах.

Маша поднялась на седьмой этаж и, только выйдя из лифта, сообразила, что могла бы не оттягивать себе руки тяжёлыми пакетами, а позвонить по мобильному и вызвать во двор сына Петьку, чтоб тот донёс продукты до квартиры.

Не было никаких сомнений: весь вечер Петька просидел перед телевизором.

Маша прошла в прихожую и со стуком опустила покупки на пол. В квартире подозрительно пахло какой-то гарью.

– Эй! Снова обед спалил?

– Ничего я не спалил, – из комнаты раздался ломкий подростковый басок.

Она ненадолго задержалась в коридоре, чтобы поправить рамку картины, которая висела в простенке между большой комнатой и детской. Это была абстракция: тонкие, угольного цвета перила и малиновый вихрь, расколовший лестницу надвое. Автор композиции, Машин выпускник, назвал картину «Бык бежит по лестнице». Маша прикоснулась к раме и выровняла горизонталь. Стряхнула

с пальцев следы пыли. Самое время заняться уборкой, подумала она.

В комнате всюду работал телевизор – прямоугольная плазменная панель.

– Это же Джеймс Бонд! – Петька увлечённо следил за мельканием лиц на экране.

– А матери помочь?

В доме у них существовало правило, которое никогда не обсуждалось: забирать сумки у того, кто пришёл из магазина, и помогать их разгрузить. Вытесненный из комнаты Петька нехотя сполз со своего кресла и поплёлся в коридор.

Маша подошла к окну, чтобы задёрнуть шторы. На подоконнике, за портьерой, лежала чудесная авторская кукла по имени Маруся. Куклу в зелёной пышной юбке и джинсовой курточке сделала Ирка, Машина подруга, профессиональный мастер. У куклы были короткие светлые волосы и карие глаза, слегка зауженные к вискам; подруга лепила это лицо с самой Маши.

Раньше Маруся сидела в креслице на специальной полочке, возле Машиного письменного стола, но во время подготовки к Новому году её уронил Петька, когда втаскивал в комнату новогоднюю ёлку. Кукла с грохотом рухнула на пол, и у игрушечного кресла отломалась подставка. Подставку залили суперклеем, и теперь Маруся, заняв половину подоконника, покорно ждала из ремонта мебель, без которой она умела только беспомощно лежать на боку.

На деревянной крестовине рядом с батареей стояло рождественское дерево, причина самого серьёзного стресса в Марусиной игрушечной жизни. Подрубленная зелёная верхушка упиралась в верхний правый угол комнаты – Петька не слишком-то старался установить ёлку вертикально. Игрушек на ветках было маловато, зато роскошная десятиметровая китайская гирлянда оплетала ствол от пола до самого потолка, и на ветках танцевали синие, жёлтые и красные огоньки.

Маша давно уже не пыталась сравнивать праздник, который она устраивает для сына, с теми новогодними радостями, что жили в воспоминаниях о её собственном детстве. Она помнила, как отец приносил в дом ветвистые ели с голубым оттенком хвои; они все были как на подбор симметричными и прекрасно устанавливались на деревянной крестовине. Ни одна из них не кренилась набок.

В детстве они с сестрой украшали ёлку целый день или даже два дня – вечер тридцатого декабря и следующее утро. Мама с бабушкой волоком вытаскивали из кладовки пять или шесть коробок, где между слоями серой ваты хранились богатства: стеклянные фигурки пожарников, балерин, клоунов. Солдатики в зелёных мундирах и высоких шапках с кокардами. Деды Морозы, обсыпанные шершавой фарфоровой пылью. К еловым веткам с помощью металлических прищепок крепились белые, зелёные и ярко-малиновые стеклянные шишки – а ветки пахли смолой, лесом, солью, пылью и ожиданием, ожиданием...

Маленькая Маша однажды зазевалась, и новогодний шар случайно выскользнул у неё из рук. Это был самый красивый шарик, похожий на одуванчик, покрытый нежным стеклянным пухом. Он ударился о паркет, словно всхлипнул – жалостно и громко, – и мелкими брызгами разлетелся по всей комнате. Маша, оглушённая звоном, открыла рот и застыла в ужасе, а в это время Алька, свидетельница Машиного преступления, уже бежала на кухню докладывать. Не оттого, что хотела наябедничать, а просто сестре казалось – так правильно. Алька всегда знала, что значит – правильно. Маша иногда даже завидовала её непоколебимой убеждённости.

На ёлке, которая стояла в Машиной королёвской квартире, не висело ни одного стеклянного шара. С пластиковыми игрушками было меньше возни, да и стоили они дешевле.

На кухню Маша вошла уже переодетая в домашнее: в полинявшие от множества стирок старые «Левайсы» и чёрную Петькину футболку с мотоциклом, из которой сын давно вырос.

На кухонных стенах висели шкафчики, где хранились разнообразные нужные мелочи, но Маша к своим тридцати четырём годам так и не избавилась от привычки разбрасывать кухонную утварь по окружающим горизонтальным поверхностям. Она любила, чтобы каждый предмет – кастрюлька, ситечко, нож или бокал – всегда лежал под рукой. Маша часто вспоминала свои первые московские годы, когда они с Петькой переезжали из

общежития сначала в одну съёмную комнату, потом в другую, имея при себе всего-то: одну кастрюльку с крышкой, одну сковородку, две тарелки, две кружки, нож, половник, две вилки и четыре ложки – столовые и чайные.

– Петька, – Маша достала из холодильника морковь, – ёлка валится набок. Поправь её, чтобы не рухнула.

– Это невозможно по законам физики, – заявил Петька и быстрым движением стянул со стола крекер. – У неё ствол кривой.

– Не кривой, а живой. – Маша включила плиту. – Прямыми бывают только искусственные ёлки.

– Купи на следующий год искусственную. – Петька ухватил ещё один крекер и скрылся из кухни.

Маша покачала головой и принялась мыть овощи. «Ёлка валится набок», сказала она сыну. Если уж быть совсем честной – вовсе не ёлка, а вся её жизнь в течение нескольких последних месяцев постепенно и неотвратимо кренилась, качалась и грозила рухнуть в пыль. Хотя, что и говорить, ежедневные Машины попытки что-то поправить, выпрямить и залатать кое-как создавали иллюзию внешнего благополучия – и делалось это главным образом для Петьки. О том, что работа уже давно не приносит никакой радости, сын не имел ни малейшего понятия. Петька, скорее всего, не задумывался и о том, что продукты, стоящие в их холодильнике, – за редким исключением – были хотя и качественными, но дешёвыми, потому что в иные месяцы Маше еле хватало денег, чтобы закрыть очередной взнос

по ипотеке. И главное, Петька не знал (да это его и не касалось), как трудно приходится матери с весёлым и дружелюбным «дядей Марком», который изредка приезжал к ним в гости.

Марк Александрович Лакиди, «доцент, журналист и странствующий рыцарь» – так он обычно представлялся при знакомстве, – обещал сегодня приехать в Королёв. Чтобы успеть отпраздновать наступление Нового года, Марк рассчитывал прибыть одной из двух электричек: фрязевская приходила на вокзал в Болшево в 22:20, а монинская – в 22:29.

Пригородные поезда Марк не любил. Каждая поездка по железной дороге оборачивалась для него панической атакой, но в новогоднюю ночь таксисты подняли цены до таких немислимых сумм, что Марк пообещал подружке с честью выдержать испытание. Он собирался заранее выпить успокоительные таблетки.

Маша знала, что её другу таблетки помогают не всегда. Через десять минут вагонной тряски Марк чувствует, как вокруг горла медленно закручивается душный вагонный воздух. Пространство плывёт перед глазами, сворачивается до размеров узкого прохода между сиденьями, и Марку чудится, что вот-вот случится непоправимое – или поезд сойдёт с рельсов, или в голове лопнет какой-нибудь сосуд. Сердце колотится, Марк начинает глубоко и громко дышать. Справа и слева он видит участливых женщин. Сердобольные дамы качают головами и лезут с расспросами; при таком росте и такой

яркой внешности, как у Марка, нет никакой возможности спрятаться, сделаться незаметным. Наконец Марк не выдерживает, вскакивает с места и выбегает в тамбур.

В тамбуре он мечется из угла в угол. Поезд тормозит, двери разъезжаются, и желание выбежать наружу становится непреодолимым.

Марк пробегает вдоль платформы до следующих дверей того же поезда и запрыгивает внутрь, когда створки начинают съезжаться. Сидячих мест в вагоне уже нет, и Марк возвращается в тамбур. Стены тамбура трясутся, мужчина прислоняется плечом к одной из них, закрывает глаза и считает: одна тысяча триста тридцать пять, одна тысяча триста тридцать шесть, одна тысяча триста тридцать семь... От Москвы до Болшево – одиннадцать остановок, примерно сорок пять минут дорожного времени.

Маша знала, что Марка нужно встретить на станции, привезти домой и уложить отдыхать. Ему требуется полчаса, чтобы прийти в себя после поездки в пригородной электричке.

Прежде чем сервировать стол, Маша прошлась по полу мокрой тряпкой. В её ленинградском детстве мыть пол с помощью швабры было не принято; за шваброй всегда оставался прилипший к паркету мусор и грязные разводы.

Маша направлялась из ванной в комнату, когда в кармане пальто заверещала телефонная трубка. Потребовалось время, чтобы стянуть резиновые

перчатки. Сморщенный от воды палец нажал на зелёную кнопку прежде, чем Маша увидела, кто звонит. Но она и без этого догадалась. Марк, конечно. Кто же ещё.

– Алё. Алё, Мышь? С наступающим тебя!

Маша бросила взгляд на часы, висевшие в коридоре; в эту минуту с Ярославского вокзала отходила электричка на Болшево.

– С наступающим! – Мокрая перчатка шлёпнулась на пол, и Маша присела на корточки, чтобы её подобрать. – Едешь?

Короткая пауза в разговоре высветила отчётливую, пугающую тишину. Такой тишины не бывает в пригородных поездах, пусть даже и перед самым Новым годом.

Маша вернулась в ванную комнату, всё ещё сжимая в руке мокрые резиновые перчатки, холодные и склизкие, как лягушки.

– Не успеваю, – сказал Марк.

– Что?!

Жёлтые лягушки с коротким хлопком ударились о дно раковины.

– Ну... Ты же знаешь... – Голос Марка на секунду пропал и вновь появился. – Лена попросила меня посидеть с Хомяком.

– Марк!

– Её до сих пор нет. Я один тут – сижу с ребёнком.

Лена и Марк всегда жили порознь. По крайней мере, именно так Марк описывал свою семейную жизнь. А Хомяк... Хомяк был Машиным любимцем,

в ноябре ему исполнилось четыре года. В свидетельстве о рождении у Хомяка значилось красивое имя Георгий, а своё смешное прозвище малыш получил за пухлые щёки и аппетит, который не пропал у него даже прошлым летом, после перенесённой тяжёлой болезни и операции.

– Марк, собирай ребёнка и выезжай прямо сейчас, – сказала Маша. – Бери машину до Королёва, я заплачу.

У Марка наверняка не было свободных денег на такси. Работал он в нескольких местах: читал лекции на кафедре, проводил семинары, не брезговал и написанием научных работ за деньги. Кроме того, Машин друг вёл еженедельную колонку на модном информационном портале «Столица», где количество его подписчиков увеличивалось с каждым месяцем. Маша не могла понять, как же так выходило, что при таком обилии начинаний зарплата Марка таяла с феерической быстротой, а количество его долгов год от года только росло. Куда, кроме алиментов и оплаты съёмной комнаты, уходили заработки любимого мужчины, оставалось только гадать.

– Мышь, я не могу ехать с маленьким. Тем более в такой холод.

Еле уловимое дребезжание мелькнуло в его интонации и больно царапнуло слух.

– Эта стерва, – жаловался Марк, – делает всё мне назло. Знает, что я не смогу бросить маленького. Что я обязательно приеду и буду сидеть с ним до последнего.

– Поняла.

– Мышь, я буду звонить тебе, хорошо? Будем встречать Новый год по телефону. Позвоню тебе за пять минут до боя курантов, честно – позвоню! И вообще, всё это формальность. Все эти календарные даты. Давай перенесём наш праздник на второе число. Или на третье.

Второго января Маша отвозила Петьку в Шереметьево: на неделю сын летел к отцу в Петербург. Третьего числа с девяти до пяти директриса Нинель Валентиновна поставила Маше дежурство по школе. Школьный устав предписывал дежурства в праздники, и, хотя по закону нельзя было заставить педагогов работать во время каникул, в жизни закон этот не соблюдался вовсе или же поворачивался той стороной, которая была удобна директрисе.

– Мышь, ну так приезжай ко мне сразу после дежурства! Мы с тобой ого-го как зажжём! – утешал Марк расстроенную подругу. – И Хомяка, может, повидашь. Всё мышинное царство будет у меня в сборе!

Марк умел убеждать. Однажды он убедил Машу, что родители выбрали ей неудачное имя. Прозвище Мышь появилось оттого, что однажды, подшучивая над щепетильностью подруги, Марку весьма кстати пришлась одна цитата. «Записки из подполья» Марк знал почти наизусть, а кусок про «усиленно сознающую мышь» был одним из его любимых.

Одна резиновая перчатка валялась в раковине, вторая уныло свисала с её с края. В голове промелькнуло: пол можно уже и не домывать.

Курила Маша редко; это было старое школьное баловство, возникло оно из чувства подросткового бунта, тогда ещё вялого и тайного. Курение не переросло в пристрастие, и, бывало, Маша месяцами не притрагивалась к пачке. Она могла, например, выкурить сигаретку в гостях, за компанию с подругой Ирккой. Сказать по правде, пачка лежала в сумочке для таких случаев, как сейчас: чтобы успокоиться, вернуть себе ясность мысли и заставить пространство чуть-чуть сместиться и дрогнуть. Как будто в способности пошатнуть окружающую действительность заключалась некая особая сила.

Маша жила на седьмом этаже кирпичной девятиэтажки, стоявшей в окружении таких же типовых зданий. С балкона как на ладони открывался микрорайон, летом утопавший в зелени, а зимой заваленный снегом: магазинчик, частный сектор, колокольня храма – гулкий храмовый звон время от времени доплывал до Машиных окон. Слева, вдалеке, за крышами домов виднелась железнодорожная нитка, унизанная яркими бусинами поездов; лучше всего её было видно по вечерам.

Над маленькой торговой точкой, расположенной внизу, в тёмное время суток горел уличный фонарь. Здесь даже по ночам местные жители свободно покупали водку, и выпивохи приползали сюда со всего городка. Иногда после полуночи они устраивали пьяные разборки прямо под Машиными окнами.

Несколько затяжек, и окно чуть-чуть съехало в сторону, а потом крепко встало на своё место и больше уже никуда не смещалось. Маша представила себе комнату Марка в Колпачном переулке, увидела спящего на тахте маленького Хомяка... и Лену, жену Марка, сидящую рядом.

Лена жила на улице Воронцово Поле, совсем недалеко от района, где Марк снимал жильё. Маша представила себе, как бывшая жена за пару часов до Нового года приходит в комнату в Колпачном, чтобы забрать сына, а потом по какой-то причине задерживается до полуночи, и вот уже они вдвоём – Лена и Марк – открывают шампанское и слушают бой курантов.

Думать про Марка было нельзя. Пока не кончилась первая сигарета и не затеплилась следующая, Маша усилием воли заставляла мозг переключаться на любые другие вещи, пусть даже на глупости, на откровенную чепуху. Может, в обычный день она повела бы себя по-другому. Пошла бы гулять по городу, позвонила бы Ирке, в конце концов... Но сегодня, в канун Нового года, требовалось пропустить удар и заставить себя веселиться – не хватало ещё испортить праздник Петьке, повторяла она про себя.

Краем глаза она глянула во двор. Фонарь освещал пяточок перед подъездом, и Маша увидела, как дверь внизу открылась, и возле скамейки мелькнула чья-то маленькая фигура в подозрительно знакомой красной куртке. Шапку с шарфом человек, кажется, позабыл дома, а куртку надел кое-как, нараспашку.

– Петька! – крикнула Маша. Голос её прозвучал хрипло. – А ну домой!

Человек внизу поднял голову, и до её слуха донеслось:

– Щас вернусь! Я быстро!

– Кой чёрт тебя на улицу понёс! – надрывалась Маша.

– Петарды! Смотри, щас бабахнет!

– Домой, кому сказала!

– Ну ма-ам...

Но Маша уже знала, как загнать сына обратно в подъезд.

– Ты же обещал, что вместе будем взрывать! Уговор дороже денег!

КОНЕЦ ОЗНАКОМИТЕЛЬНОГО ФРАГМЕНТА